

1. *«Начало здесь, в краю родимом...»* В памяти человеческой надолго остаются впечатления и ощущения, полученные в детстве и юности, когда мы только начинаем познавать мир. Не зря у многих писателей можно найти произведения, в которых они подробно описывают свои яркие детские, отроческие и юношеские впечатления. В поэзии и прозе Н.А. Некрасова можно встретить лишь отдельные образы, запавшие в его детскую душу. И, скорее всего, это не оттого, что он их позабыл. Просто ему не хочется о них вспоминать. А если он и вспоминает что-то из детских лет, то делает это как бы через силу. Одно из самых тягостных воспоминаний детства — отец поэта Алексей Николаевич Некрасов...

Сделаем тут небольшое отступление и обозначим кратко тему деградации русского помещичьего дворянства, финал которой найдет своё отражение в пьесах А.П. Чехова «Иванов» и «Вишневый сад».

---

* **Познин Виталий Фёдорович** родился в Ростове-на Дону. Окончил Таганрогский гос. педагогический институт и Всесоюзный гос. институт кинематографии по специальности кинооператор-журналист. Работал на «Леннаучфильме» оператором, режиссёром, сценаристом, художественным руководителем студии; был собственным корреспондентом газеты «Советская культура» по Ленинграду и Северо-Западу РФ. Профессор, доктор искусствоведения. Сертификат участника энциклопедии «Известные Учёные». Автор повестей и рассказов, публиковался в центральных литературных журналах. Член Союза журналистов с 1986 г. Живёт в Санкт-Петербурге.

** Эссе В.Ф. Познина поступило в редакцию в ноябре 2021 года, в год юбилея Н.А. Некрасова.

Жизнь человека в глубокой провинции, которая, как выразился тот же Чехов, «отсасывает крылья», — сугубо русское явление. Оторванность от центров культурной жизни, отсутствие какого бы то ни было конкретного дела и бесконечная скука способны даже мыслящего и порядочного человека довести до отупения и желания хоть как-то (часто не самым лучшим образом) разнообразить своё унылое существование. Плюс ещё особенности русского климата: долгая дождливая осень, длинная морозная зима...

Скука способна развить в человеке самые отвратительные качества. В одноактной некрасовской пьесе «Осенняя скука» помещик Ласуков, сетует на то, что он живёт в дикой глуше, где *«до ближайшего города сорок вёрст, до ближайшего соседа семнадцать, — и дороги такие, что, говорят, третьего дня мужички повезли в город молоко, а привезли туда масло... Вот и приходится сидеть дома. Ну а дома? Не угодно ли послушать, каково завывает? Дождь, грязь, слякоть, ветер...»*. Хорошо выспавшись днём после сытного обеда, он не знает, чем ему занять ночью, и пытается развлечь скуку, предлагая мальчику — «казачку» нелепые вопросы и задания, не уставая награждать его, в зависимости от ситуации, всё новыми кличками — Храпаков, Растеряшин, Мухоморов, Мехоедов, Курослепов и т.д., на что тот с готовностью откликается и в очередной раз появляется в комнате барина, хотя ему смертельно хочется спать.

Причём любопытно, что Лоскутов ценит исполнительность и сообразительность мальчика; после очередного его ухода, говорит: *«Славный мальчик! расторопный, умница, молодец!»*. Но ничего поделаться с собой не может и продолжает ломать комедию, привлекая к своим пустым разговорам и претензиям домоправительницу, повара, дворецкого, кучера, портного и даже скотницу. И эта ахронная ночная круговерть продолжается до тех пор, пока скучающий барин не засыпает, наконец, под равномерное жужжание токарного станка, который вдруг понадобился ему среди ночи. Крепостное право и вседозволенность развратили Лоскутова, приучали его воспринимать многочисленную челядь как марионеток, готовых беспрекословно выполнять все его капризы и причуды. А ведь в молодости этот человек наверняка подавал надежды и мог сделать в жизни много чего хорошего. *«И в кавалерии служили, и на балах танцевали... Молодость прожили, силу пропили»*, — вспоминает он с тоской.

В написанных Н. Некрасовым позже и по другому поводу строках звучит та же мысль:

*О, пошлость и рутина — два гиганта, / Единственно бессмертные на свете,
Которые одолевают всё — / И молодости честные порывы,*

*И опыта обдуманый расчёт, / Насмешливо и нагло выжидая,
Когда придёт их время. И оно / Приходит непременно.*

Несомненно, в пьесе «Осенняя скука» отразились детские впечатления поэта о жизни его отца, который тоже в молодости был лихим офицером — не зря же в него страстно влюбилась красавица-полька Елена Закревская и тайно, вопреки воле родителей, обручилась с ним. В поэме «Мать» мелькает упоминание поэта об этом — однажды он, разбирая бумаги покойного отца, наткнулся на письмо, автором которого была, судя по всему, его будущая мать: *«Написан лист то польским, то французским, / Прерывистым и страстным языком».*

Возможно, когда на свет появился Николай (он родился в том же местечке неподалеку от Винницы, где квартировал полк, в котором служил его отец), между его родителями ещё теплилась былая романтическая любовь. Однако вскоре всё изменится: Некрасовы переедут в родовое имение Алексея Николаевича, где он, постепенно дичая в провинциальной глуши, начнёт основательно портить жизнь всем, кому только можно: детям (их у него было 14), прислуге, но прежде всего жене. Мать поэта Елена Андреевна принадлежала совершенно к иному кругу, чем её супруг, — была прекрасно воспитана, образована (вероятно, и библиотека в доме, где семья обосновалась после отставки, появилась или сохранилась благодаря ей), и, несомненно, оказала большое влияние на Николая, привив ему любовь к слову, к поэзии. Ненавидя в муже то, что стало развиваться в нём с годами, она, тем не менее, продолжала любить и жалеть его и старалась как могла облегчить его страдания когда Некрасова-старшего охватывало непонятное токсичное чувство (что-то схожее с «хандрой», которая будет свойственна и его одарённому сыну), делая всё возможное, чтобы помочь ему выйти побыстрее из этого состояния. *«На страже ты над ним стояла годы, / Покуда мрак в душе его царил».*

Душа же ребёнка, ощущая царящую вокруг него атмосферу самодурства и унижения, наполнялась чувством бессилия, *«злостью и хандрой».* Оставалось лишь *«терпеть и ненавидеть»*, цепко фиксируя в памяти всё происходящее. *«И бледный мальчик, у стены / Прижавшись, слушает прилежно / И смотрит жадно (узнаю / Привычку детскую мою)...»*

Размышляя позже о своей жизни, Некрасов признается, что все его достоинства и пороки — родом из детства: *«Всему, что, жизнь мою опутав с первых лет, / Проклятьем на меня легло неотразимым, / Всему начало здесь, в краю моём родимом!..»*

«Проклятье» это сказалось в том, что в нём, как и в сердце его матери, причудливо уживались нежная любовь ко всему доброму и святому и ненависть ко всему жестокому, тупому и пошлому, и эта ненависть то и дело будет прорываться в его стихах, а его двойственность будет ощущаться теми, кто знал поэта близко...

Как шутят юмористы, всё начинается с детства, а заканчивается у психолога. Именно детские и юношеские впечатления сформировали характер, привычки и образ жизни Н.А. Некрасова. Даже его друзья нередко называли его двуликим, потому что, сострадав униженным и оскорблённым, он позволял себе проигрывать в карты немалые деньги в Английском клубе, быть членом клуба гурманов, тратить немалые средства на приобретение ружей, породистых собак и т.п. Да и сам Некрасов признавался: *«Во мне было всегда два человека — один официальный, вечно бьющийся с жизнью и её тёмными силами, а другой такой, каким создала меня природа»*. И, возможно, знаменитая некрасовская хандра — это синдром его скрытого недовольства собой, невозможности преодолеть то недоброе, что досталось ему от отца. Не зря в зрелые годы он обращается к своей «музе мести и печали» с мольбой:

*Выводи на дорогу тернистую / Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую / Мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, праздно болтающих, / Обагривших руки в крови
Уведи меня в стан погибающих / За великое дело любви!..*

И.И. Панаев, ближе всех знавший Н.А. Некрасова, считал, что на того «возводили множество небылиц и распускали про него немало самых возмутительных клевет». Да и сегодня исследователи биографии поэта продолжают находить там немало тёмных пятен. Но, как говорил А.П. Чехов: «Если я вижу или читаю то, чем нельзя не восхищаться, то ощущаю от этого восторг, и мне дела нет, кого и как автор любил, играл ли он в карты, как он пил водку».

2. «Злобою сердце питаться устало — много в ней правды, да радости мало». Прежде чем перейти к творчеству поэта, ещё несколько строк о странных его отношениях с отцом. Когда Н. Некрасову исполнилось шестнадцать лет, Алексей Николаевич, видя, что особого усердия сын к учению не обнаруживает (Коля дважды оставался на второй год), решает пустить его по своим стопам и отправляет мальчика в Петербург в Дворянский полк (военное учебное заведение). И вот тут, как говорится, нашла коса на камень. Сын не пожелал идти по стопам родителя, а захотел обучаться в университете. Далее следуют известные всем события. Прознав о решении сына от петербургских родственников, разгневанный папаша шлёт Николаю письмо с угрозой лишить его

материальной поддержки, если тот ослушается воли отца. На что сын отправляет папе столь же резкий ответ, завершая письмо фразой: «Если вы, батюшка, намерены и впредь писать мне бранные письма, то не трудитесь продолжать, я, не читая, буду возвращать их вам». После такого объяснения назад возврата нет. Для юного Некрасова наступает полоса нищеты и лишений.

В прозе 1940-х Н. Некрасов подробно, с мрачным юмором описывает своё полунищенское существование в мегаполисе, за парадным фасадом которого он обнаружит зловонные трущобы, населённые странными людьми. Таких встреч и событий в тот период у него было немало, потому что в силу случайного и небольшого заработка квартиры приходилось менять довольно часто. *«Есть обстоятельства, невольно располагающие к задумчивости при всей лени ума и беспечности характера: Новый год, день рождения, нечаянно встреченные похороны, день переезда на новую квартиру»*, — философствует герой его очерка «Петербургские углы» и подробно описывает соседей-жильцов, встреченных им при очередном переезде в более дешёвый съёмный «угол». Это постоянно чинящий свои драные сапоги отпущенный по оброку дворовый человек; хмурый, не понятно чем занимающийся Кирьяныч, каждый день приводящий в и без того тесное жилище новую собаку и давящий то и дело на стенах пауков; и, наконец, «зелёный господин», бывший учитель, который некогда входил в приличное общество, пока его не погубил зелёный змий. Вот как точно описывает его поведение Некрасов: *«В нём было что-то такое, что уносит с собой актёр в жизнь от любимой, хорошо затверженной роли, которую он долго играл на сцене. В самых смешных и карикатурных движениях, неизбежных у человека нетвёрдого на ногах, замечалось что-то степенное, что-то вроде чувства собственного достоинства, и, говоря с вами даже о совершенных пустяках, он постоянно держал себя в положении человека, готового произнести во всеуслышание, что добродетель похвальна, а порок гнусен»*.

Бывшие крестьяне начинают потешаться и подтрунивать над этим бывшим, как мы бы сегодня сказали, интеллигентом. *«Но зелёный господин не рассердился: чувство собственного достоинства, окончательно побеждённое запахом сивухи, коснувшимся обоняния, замолчало»*. Сожители продолжают жестоко шутить над падшим человеком (хотя сами недалеко от него ушли) — заставляют его плясать, а пока он пляшет, сливают в стакан с вином сало из ночника, всыпают туда же щепоть табаку и горсть соли, долил вином и, размешав всё это пальцем, дают бедолаге выпить. И это воспалённое веселье убогих людей в убогой коморке, то и дело

произносящих различные присказки, типа «на том свете в лазарете», «табачку-свету нигде нету», «ходи в кабак, кури табак, вино пей и нищих бей — прямо в царство немецкое попадёшь», «пошла душа в рай на самый на край», «прибавь, господи, веку доброму человеку», производит страшное, трагикомическое впечатление.

Как мог выдержать и не сломаться в этих условиях совсем ещё молодой человек, — загадка. Объяснение тут может быть одно: вероятно, именно то, что юный Некрасов попал в «петербургские углы» не из розового детства, а из среды, где *«рано отлетел покой благословленный и не ребяческих желаний и тревог»*, помогло ему выдержать все невзгоды и лишения и шаг за шагом двигаться к своей цели. Даже в самые трудные, критические минуты жизни он так и не обратился к отцу за помощью. Хотя нет, один раз он всё-таки попросил его помочь ему. Но не материально, а формально. Когда Николай предпринял очередную попытку стать студентом — подал заявление с просьбой зачислить его на философский факультет университета роли вольнослушателя, — он обратился к отцу с просьбой прислать в университет официальное свидетельство о его «недостаточном состоянии», дабы сын был освобождён от платы за слушанье лекций, что Алексей Николаевич не преминул сделать.

А спустя четыре года, Николай Некрасов, добившись первых успехов на литературном поприще и издательском деле, приезжает в родовое имение к отцу. Возможно, с целью наглядно показать, чего он сам добился. Игрок по натуре он, можно сказать, выиграл негласное пари, которое заключил с судьбой и со своим отцом.

Ни жив, ни мёртв (я голодал подолгу), / Но горделив — приехал я домой.

Но самое удивительное, что и позже, при том, что поэт ни на миг не забывал, как гнусно отец относился к его к матери (в поздней поэзии Некрасова его папаша предстает как законченный деспот, тиран и садист) и как он бросил его самого в трудную минуту жизни, Николай Алексеевич вплоть до последних дней родителя будет ежегодно навещать его в родовом имении и даже ходить с ним на охоту.

Каким-то странным образом в душе поэта уживались любовь и ненависть. Немного перефразируя его строки, обращённые к женщине, можно сказать: *«Простить не можешь ты его — / И не любить его не можешь!»* И, если вдуматься, именно эти же два сильнейших чувства — любовь и ненависть лежат в основе некрасовского жизневосприятия: *Он проповедует любовь / Враждебным словом отрицанья...*

Современники упрекали Некрасова в том, что он во всём склонен видеть мрачное, жестокое, несправедливое, что, даже глядя на новую замечательную железнодорожную ветку, он склонен видеть лишь по бокам насыпи «*косточки русские*». Но таков был его взгляд на окружающую действительность. Эту мрачность усиливала питерская погода и хандра поэта.

*Ах, ещё бы на мир нам с улыбкой смотреть!
Мы глядим на него через тусклую сеть,
Что как слёзы струится по окнам домов
От туманов сырых, от дождей и снегов!
Злость берёт, сокрушает хандра...*

Его стихотворение «О погоде (уличные впечатления)» — это трагикомическая новелла о человеке, которому не везло при жизни и не повезло после смерти.

Выбравшись на улицу после того, как с Петропавловки перестали раздаваться тревожные залпы, предупреждающие о наводнении, поэт замечает, как при повороте с моста дроги, которые везли гроб, зацепились за угол, отчего гроб с покойником упал и раскрылся. Единственным человеком, сопровождавшим покойного в последний путь, оказалась старушка, которая и поведала поэту о бедах-злосчастиях, которые сопровождали при жизни покойника:

*Кто он был? да чиновник, известно; / В департаментах разных служил.
Петербург ему солон достался: / В наводненье жену потерял,
Целый век по квартирам таскался / И четырнадцать раз погорал.
А уж службой себя как неволил!..*

Поэт сопровождает до кладбища эту печальную процессию под сговора старушки, одетую в кацавейку и мужские сапоги, о том, что «*Как ни дорого бедному жить, / Умирать ему вдвое дороже. / На кладбище-то место купить, / Да попу, да на гроб, да на свечи...*»

На кладбище они находят с трудом свежую яму, в которой стоит вода по колено. Гроб опускают в эту яму, забрасывают её жидкой грязью, и старушка философски резюмирует: «*Да господь, как захочет обидеть, / Так обидит: вчера погорал, / А сегодня, изволите видеть, / Из огня прямо в воду попал!*»

Поэт, присмотревшись к старушке, замечает, что ей искренне жаль человека, которого только что придали земле, и понимает, что, наверное, что-то связывало её с этим бедолагой и неудачником, коль скоро она одна проводила его в последний путь в жуткую дождливую погоду и почему-то всё знает о его жизни. Он молча, со значением кланяется ей в ноги и возвращается домой... Но любопытно, что завершает Некрасов эту историю, мрачно иронизируя и даже немного ёрничая, что усиливает трагикомизм ситуации:

«...Я доволен собой, / Я недаром на улицу вышел: / Я хандру разогнал — и смешной / Каламбур на кладбище услышал, / Подготовленный жизнью самой...»

Тот же трагикомизм ощущается в стихотворении «Горе старого Наума», которое обозначено автором как «волжская быль». Предприимчивый Наум, у которого «*пачочный завод / и дворик постоялый / дают порядочный доход*», собирает также деньги со всего чего только можно — даёт под проценты ссуду или мужики возвращают ссуду в виде отработки, а также получает хороший доход от открытого им на бойком месте питейного заведения и т.д., и бесконечное накапливание денег давно стало для него смыслом жизни.

*Науму с лишком пятьдесят, / А ни детей, ни жёнки.
Наум был сердцем суховат, / Любил одни деньжонки...
...Уж округлился капитал, / В купцы бы надо вскоре,
А человек затосковал! / Пришло к Науму горе...*

Но однажды к Науму напросилась переночевать молодая красивая пара. И когда Наум увидел, как молодая женщина смотрит на своего возлюбленного, он потерял покой.

*Назад тихонько он ушёл, / И с той поры Наума
Не узнают: он вечно зол, / Сидит один угрюмо,
Или пойдёт бродить окрест / И к ночи лишь вернётся,
Солёных рыжиков не ест, / И чай ему не пьётся.*

Невольно вспоминается в связи с этой историей схожий по теме рассказ А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда». Там тоже герой, который постоянно занят поиском заработка и экономией каждой копейки, запоздало, после смерти своей старухи, осознает что то, что он считал важным, существенным — лишь суета и рутина; главное же в жизни — любовь, искренние человеческие эмоции, — всё это прошло для него стороной.

3. «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть». Наблюдательный и острый взгляд отличал Николая Алексеевича и в детстве, и в зрелые годы. Особенно это заметно в образах, запечатлённых в его сатирических стихах, где создана целая галерея человеческих типов. Прежде всего, это персонажи, сформированные переходным периодом от крепостного права и других пережитков феодализма к зарождающемуся и быстро развивающемуся в России капитализму. В цикле «Юбиляры и триумфаторы» мы вместе с автором попадаем в ресторан, где, выражаясь по-современному, в банкетных залах веселятся компании, чествующие важных лиц, получивших какую-нибудь награду или справляющих свой юбилей.

В первом зале поют дифирамбы бывшему губернатору какого-то края, вся заслуга которого заключается в том, что он не воровал и край *«не довёл до разоренья»*; во втором зале — *«военный пир, военный спор»*, тут осуждают современные порядки в армии и ностальгируют о прошлом; в-третьем, большом зале проходит *«учёное собрание, агрономический обед, вернее — заседание»*. Докладывает селекционер, пытавшийся улучшить местные породы, скрестив их с зарубежными, но: *«Увы! напрасная мечта! / Убил я даром годы: / Соломы мало для скота / Улучшенной породы!»*.

«Шаг вперёд — и снова зала, всё заводчики-тузы». Здесь свои успехи отмечает владелец завода, выпускающего военную продукцию, который умудряется, несмотря на то, что изделия его предприятия оставляют желать лучшего, продолжать получать *«казённые заказы»*.

В очередном зале чествуют Марью Львовну, занимающуюся благотворительностью. Она разыгрывает в лотерею что-то нужное крестьянам, и в результате получает неплохие барыши. Основная часть лотерейных билетов, конечно же, — безвыигрышные. Некрасов рисует картину, как *«побелели дорожки сада»* от огромного количества выброшенных ненужных бумажек:

*Как будто в мае / Послал бог снегу... / Пустых билетов /
Сvezли телегу / Из сада ночью. / Ай! Марья Львовна!
Пятнадцать тысяч / Собрали ровно!*

В этом сонме различных представителей, как бы мы сегодня выразились, «предпринимательского класса» особенно ярко описан некий Эдуард Иванович Грош, *«Господин на ножках низких, / Весел, юрок и румян, / Из породы самых близких / К человеку обезьян»*. Это посредник и авантюрист, успевающий повсюду наладить знакомства, установить контакты. *«Он, как тут, на всяком месте»* — на похоронах значительных лиц, на светских раутах (сегодня бы мы сказали — «тусовках»), он всюду вхож, готов всем оказать услугу (не безвозмездно, конечно же).

*Он на бирже, в думе, в банках, / Нет собрания без него:
Это высшего разряда / Фактор — сила наших дней.*

В цикле стихов «Говорун» иная интонация. Это своего рода забавные зарисовки, связанные с досугом — посещением театров и других развлечений, написанные от лица чиновника. Вот он видит на сцене огромную голову в опере «Руслан и Людмила», партию которой исполняет хор, и замечает остроумно: *«Как слышал я, посажено / В ней несколько певцов / (Должно быть, для политики, / Чтoб петь её слова) — / Не скажут тут и критики: / «Пустая голова!..»*

Затем, попросив у сидящего рядом генерала бинокль, начина-ет разглядывать ножки балерин: *«Я взял его с поклоном / И с час не возвращал, / “Однако, вы — астроном!” — / Сказал мне генерал».*

Свои впечатления от певички герой комментирует, используя броскую рифму: *«Что за красotka Боржия!.. / Менялся весь в лице / И даже (не топор же я!) / Заплакал при конце...»*

Ради заработка Н. Некрасов написал лично и в соавторстве несколько водевилей, и, вероятно, по этой причине общепринятая форма водевильных куплетов с повтором фразы в конце каждой строфы нередко встречается в его сатирических стихах. Отчасти сказалось, наверное, и влияние стихов Беранже, с которыми Некрасов наверняка был знаком в оригинале, и которые стали появляться в конце 1850-х годов в блистательном переводе Василия Курочкина. Именно так построено стихотворение «Нравственный человек» (1856), в котором некий персонаж, очевидно, помещик, заявив уже в первых строках, что он *«живя согласно с строгою моралью»*, он *«никому не сделал в жизни зла»* описывает свои поступки.

В первой истории он, подобно мопассановскому Bel-Ami, узнав о существовании у жены любовника, тайно вызывает полицию, фиксирующую этот факт, и отказывается от дуэли, на которую его вызывает соперник. В результате жена *«слегла в постель и умерла, / истерзана позором и печалью»*. Вторая история также связана с близкими людьми рассказчика. Когда дочь, горячо полюбив простого учителя, решила бежать с ним, он пригрозил ей проклятьем и заставил её выйти за седого богача. Дом её был полной чашей, но вдруг она стала *«бледнет и гаснуть... и через год в чахотке умерла»*. В третьей истории повествуется о крестьянине, которого герой отдал в обучение поварскому делу, а тот не только стал блестящим мастером в этой профессии, но и пристрастился к чтению и стал высказывать собственные мысли. Тогда нравственный человек, *«утомясь грозить и распекасть, / отечески посёк его, каналью»*, после чего тот, не выдержав позора и надругательства над его личностью, пошёл и утопился.

По закону поступил наш герой и со своим приятелем. Когда тот вовремя не вернул долг, «нравственный человек», опять поступив по закону, без долгих размышлений передал дело в суд, который приговорил должника к тюрьме, в которой тот и умер. Каждая из этих историй заканчивается одним и тем же рефреном: *«Живя согласно с строгою моралью, / Я никому не сделал в жизни зла».*

Стихотворение «Над чем мы смеёмся» — о том, что современная циничная публика склонна посмеиваться над искренними душевными порывами и желанием делать другим добро. В первой

истории герой рассказывает о том, как он в компании обмолвился однажды о том, что ему надо уйти пораньше и провести вечер с матушкой-старушкой, которая не здорова и томится одиночеством, после чего на любой последующей пирушке, после того желания компании напоследок ещё «добавить», кто-нибудь непременно брякнет: «*Ну... а ты — иди к мамаше! / Ха! ха! ха!..*» *Хоть пулю в лоб!..*». Точно такую же реакцию от приятелей герой получил после того, как он помог в гололедицу усталому водовозу вытащить на бугор его салазки с бочкой. Его знакомый, видевший это, не преминул рассказать про данный случай компании и: «*С той поры мне нет проходу: / Филантрон да филантрон! /*» «*Что, возил сегодня воду?.. / Ха! ха! ха!..*» *Хоть пулю в лоб!..*»

Более всего близко к водевильному стилю стихотворение «Осторожность», состоящее из куплетов, каждый из которых заканчивается рефреном: «*Осторожность! осторожность! Осторожность, господа!..*».

В первом куплете молодой человек в лодке, оказавшейся почему-то в Ледовитом океане, уговаривает свою подругу причалить к острову, где нет ни церкви, ни попов, а для того, чтобы согреться, лечь вместе, и живописует, как он будет её «*песцовой шубкою и лаской согреть*». Далее следует остроумный комментарий автора: «*Хорошо поёт, собака, Убедительно поёт!*». В следующем куплете речь о том, как «*у солидного папаши / либералка вышла дочь*», которая отказала жениху с хорошим чином, а «*с каким-то армянином / обвенчалась, не спросясь*». Такую необычную для тех лет новость издателям очень хочется тиснуть, но поскольку это может быть воспринято как посягательство на родительский авторитет, «*за подобную оплошность / не постигла б нас беда*».

Далее проблемы, о которых идёт речь в стихотворении, с каждым куплетом становятся всё серьёзней. Третья история — один из сюжетов, которые всё чаще начинают встречаться в жизни после отмены крепостного права. Некий Пантелеев, помещик, «*век играл, мотал и тил*», в то время как рачительный крестьянин Федосеев «*век трудился и копил*». В результате обедневший Пантелеев «*ходит гол*» по улицам столицы, «*а дворянские землицы Федосеев приобрёл*». (Не правда ли, эта история вызывает ассоциации с сюжетом чеховского «Вишневого сада»?). Но в ту пору о таких случаях предпочитали не говорить вслух, потому что «*...ведь это означает / оскорблять дворянский сан. / Тисни, тисни! есть возможность, / — а потом дрожи суда...*». В третьем куплете автор, живописав, как ростовщики и посредники дерут с бедняков последнюю шкуру, «*желал бы их, проклятых, / хорошенечко*

пробрать», но опасается, что это будет воспринято как натравливание бедных на богатых.

И, наконец, в последнем куплете затрагивается вопрос о разности религиозной веры. Описывается случай в селе Остожье, когда во время крестного хода в одной из изб случился пожар, но фанатики веры решили, что надо прежде завершить крестный ход, а потом уж всем браться за тушение пожара, в результате чего сгорело несколько домов.

*Погорели! В этом много / Правды горькой и простой,
Но ведь это против бога, / Против веры... ой! ой! ой!
Тут полнейшая возможность / К обвиненью без суда...
Ради бога, осторожность, / Осторожность, господа!..*

В широко известном некрасовском стихотворении про то, как *«у бурмистра Власа бабушка Ненила / починить избёнку лесу попросила»*, в трёх строфах варьируется фраза о барине, который приедет и всё рассудит, и бабушке велит дать лесу, и накажет жадного лихоимца, оттяпавшего у крестьян косячок земли, и позволит Наташе выйти замуж за вольного хлебопашца. В четвертой же строфе — печальный конец всем этим надеждам:

*Умерла Ненила; на чужой земле
У соседа — плута — урожаи сторицей;
Прежние парнишки ходят бородаты
Хлебопашец вольный угодил в солдаты,
И сама Наташа свадьбой уж не бредит...
Барина всё нету... барин всё не едет!*

Но и этого поэту мало. Он не видит надежды на изменение крестьянской доли, пока существует крепостное право — стихотворение было написано за шесть лет до его отмены. В последней строфе барин, которого все так ждали, наконец, появляется в гробу, который везут на повозке шесть лошадей цугом. Сопровождающий его наследник, похоронив папашу, *«слёзы вытер, / сел в свою карету — и уехал в Питер»*.

При описании неприятных ему людей Некрасов не жалеет красок. Описание личности одиозного Фаддея Булгарина начинается словами о положительных качествах этого персонажа, которые тут же уничтожаются сравнением с предателем Христа и шекспировским трусливым хвастуном: *«Он у нас осьмое чудо — / У него завидный нрав. / Неподкупен — как Иуда, / Храбр и честен — как Фальстаф»*.

Выразительный же портрет князя Ивана, председательствующего на банкете предпринимателей всех мастей, Н. Некрасов рисует, используя яркие сравнения: *«Князь Иван — колосс по брюху, / Руки — род пуховика, / Пьедесталом служит уху / Ожиревшая щека»*.

Наверняка строки Велемира Хлебникова «Он телом стар, но духом пылок, / Как самовар блестит затылок» написаны под впечатлением от сатирических образов Некрасова.

4. Наш современник Некрасов. Поскольку многие сатирические строки написаны Николаем Алексеевичем в период, когда в России начиналось бурное развитие капитализма, то сегодня, наблюдая как в современной России происходит регенерация капитализма после недолгого существования утопического социализма, нередко узнаешь те же образы и явления, что были характерны для русской действительности полтора века назад. Сколько раз мы видели, как определённые личности, провозглашавшие идеалы свободы, демократии и общечеловеческие ценности, дорвавшись до власти, прежде всего обеспечивали роскошную жизнь себе и своим ближним — подобно тому, как поступали фальшивые демократы во второй половине XIX века:

*Под опалой в оны годы / Находился демократ,
Друг народа и свободы, / А теперь он — плутократ!*

*Не рискуя головою, / Эти рыцари страны,
Так и рвут что можно с бою / У народа, у казны:*

*Грош у новейших господ / Выше стыда и закона;
Нынче тоскует лишь тот, / Кто не украл миллиона.*

*Бредит Америкой Русь, / К ней тяготея сердечно...
Шуйско-Ивановский гусь — / Американец?.. Конечно!*

*Что ни попало — тащат, / «Наши идеал, — говорят, —
Заатлантический брат: / Бог его — тоже ведь доллар!..»*

*Правда! но разница в том:
Бог его — доллар, добытый трудом,
А не украденный доллар!*

И не напоминает ли вам некоторых наших «новых русских», со слезой в голосе рассказывающих о том, как они начинали свой бизнес с продажи джинсов, история некрасовского богача Саввы Антихристова, тоже начинавшего свой «бизнес» с малого — с того, как, «дав пастухам по алтыну», он «из хребта у свиней в младости дергал щетину», которую успешно продавал для производства различных изделий. Правда, присутствующий на том же банкете «предпринимателей» богач Зацепа, у которого винные пары вдруг пробудили совесть, грубо обрывает Антихристову, развенчивая сказочку про юношу, который будучи одарённым смекалкой, лишь своим неустанным трудом сколотил немалое состояние: «Ты ребёнком драл щетину / Из живых свиней, / А теперь ты жилы тянешь / Из живых людей!»...

Читая некрасовские строки о том, как попавшие по чьей-то рекомендации на высокий пост люди становятся в народе притчей во языцех, начинаешь вспоминать ту кадровую чехарду, что царил в нашей стране последние 30 лет, а кое-где продолжается и по сей день: *«Слыл умником и в ус себе не дул, / Поклонники в нём видели мессию; / Попал на министерский стул / И — наглутил на всю Россию!»*

Возродилось при нашем новом капитализме и стремление определённой части общества уехать на Запад и оттуда наблюдать за «нецивилизованной Россией», что было характерно и в некрасовское время для определённого круга российской знати. В пародийном стихотворении «Отрывки из путевых записок графа Гаранского (перевод с французского)» Некрасов от лица некоего графа, который *«во Франции провёл... молодость свою»* воспринимает Россию как нечто экзотическое и мало ему понятное. Так, взирая с печалью на измождённых, бледных и слабых крестьян, он объясняет это не условиями их жизни, а тем, что они, как бы мы сегодня сказали, законченные трудоголики:

*Я думаю, земель избыток и лесов
Способствует к труду всегдашней их охоте,
Но должно б вразумлять корыстных мужиков,
Что изнурительно излишество в работе.*

Своё собственное имение он предпочитает видеть из кареты или с балкона и убеждён, что народ любит его и доволен своей жизнью:

*Я также наблюдал — в окно моей кареты —
И быт крестьянина: он нищеты далёк!
По собственным моим владеньям проезжая,
Созвал я мужиков: составили кружок
И гаркнули «ура!...» С балкона наблюдая,
Спросил: довольны ли?.. кричат: «Довольны всем!»...*

Ну и, конечно, неизбежный спутник капитализма во все времена — периодические кризисы, борьба банков и т.п.: *«Времена наступают тревожные / Кризис близится <...>, / Банки тоже не бойко идут: / “Половину закрыть не мешало бы!”»*

Глядя же на то, что происходит сегодня в городах и посёлках, далёких географически от промышленных и культурных центров, можно с грустью повторить некрасовские строки: *«Да! провинция пустеет: / Города объаты сном»...*

За минувшие десятилетия у нас радикально поменялись эстетические ценности, вкусы, критерии нравственности — и отнюдь не в лучшую сторону. В передачах 1990-х в наших СМИ во всю пропагандировалось право сильного, жажда накопительства,

активно эксплуатировалась тема секса; наши нынешние же телевизионные ток-шоу выносят на суд зрителей скандалы, связанные с именами известных актёров, обсуждают то, что недавно считалось неприличным для всеобщего обсуждения, не стесняясь, выносят на общий суд чужое «грязное бельё». Образцами для подражания и героями дня для определённой части молодёжи стали юнцы, зарабатывающие миллионы на своем блогерстве, пропаганде аморальности, потребления наркотиков и т.п. И опять как тут не вспомнить Николая Алексеевича: *«Подождите! Прогресс подвигается, / И движенью не видно конца: / Что сегодня постыдным считается, / Удостоится завтра венца...»*

Современное расслоение общества, появление самозванной «элиты», горячо отстаивающей демократические ценности, но при этом считающей себя пупом земли, а всех остальных чернью, «ватниками» и «лохами» тоже сродни ощущениям некоторой части публики некрасовских времён, с презрением относившейся к своему народу: *«Пусть глас народа — божий глас, / Но всё-таки музик — скотина!..»*

Меняется при капитализме и характер отношения полов. Для многих современных женщин на первом месте оказывается материальное обеспечение, жажда удовольствий и ярких впечатлений, которые можно получить, благодаря наличию большого количества денег: *«Доблесть, молодость, сила пленяли / Сердце женское в древние дни. / Наши девы практичней, умнее, / Идеал их — телец золотой».*

Н.А. Некрасов рад техническому прогрессу, который бурно развивается на его родине, но понимает, что всякое изобретение и открытие таит в себе не только положительные моменты, но опасность для человечества при дурном его использовании.

*От паров весь свет в угаре, / Всё пошло от них вверх дном;
Нынче всякому на паре / Ездить стало ни о чем.
Ум по всем концам Европы / К изобретеньям прилип,
Телеграфы, микроскопы, / Газ, асфальт, дагерротип,
Светописные эстампы, / Переносный сжатый газ,
Гальванические лампы, / Каучуковый атлас,
Паровозы, пароходы, / Переносные дома,
Летоходы, весоходы, / Страховых компаний тьма!
Пневматические трубы, / Стеарин и спермацет,
Металлические зубы / Сбили с толку белый свет.
Нет для нас уж тайны в море: / Были на его мы дне;
Кто же знает? Может, вскоре / Побываем на луне.
А потом, как знать! с терпеньем / Где не будет человек?..*

Сегодня этот список можно было бы многократно увеличить, добавив в него автомобили, самолеты, ракеты, кино, телевидение, интернет, всевозможные гаджеты и т.д. и т.п.

5. *«Сейте разумное, доброе, вечное...»* Поэзия Н. Некрасова проста, порой груба, прозаична, лишена словесных фиоритур, но, возможно, благодаря именно этому многие некрасовские строки надолго остаются в нашей памяти. Вот лишь некоторые ставшие крылатыми слова из некрасовских стихов, которые хранятся в памяти любого мало-мальски культурного человека, даже если он забыл их автора:

*«Столица наша чудная / Богата через край,
Житьё в ней нищим трудное, / Миллионерам — рай».*

«Бывали хуже времена, / Но не было подлей».

«Барин вот приедет, / Барин всё рассудит».

«Коня на скаку остановит, / В горящую избу войдёт».

«Суждены нам благие порывы, / Но свершить ничего не дано...»

«Не рыдай так безумно над ним, / Хорошо умереть молодым!»

*«Чтоб одного возвеличить, борьба / Тысячи слабых уносит —
Даром ничто не дается: судьба / Жертв искупительных просит».*

«То сердце не научится любить, / Которое устало ненавидеть».

*«Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди!..»*

«Поэтом можешь ты не быть, / Но гражданином быть обязан».

«Сейте разумное, доброе, вечное».

«Воля и труд человека / Дивные дива творят!»

«Ты и убогая, / Ты и обильная, / Ты и могучая,

Ты и бессильная, / Матушка Русь!»

«Золото, золото / Сердце народное!»

*«Жаль только: жить в эту пору прекрасную
Уж не придётся ни мне, ни тебе».*

Песни на слова Некрасова — «Ой, полным-полна коробушка...», «Что так жадно глядишь на дорогу?», «Меж высоких хлебов...», «Назови мне такую обитель», «Песня о Кудеяре» — стали так популярны потому, что они, как многие русские народные песни, по сути своей, маленькие истории, в которых рассказывается о человеческой судьбе или о судьбе страны...

Полтора столетия отделяют нас от того времени, когда жил и писал Некрасов, но по-прежнему его строки затрагивают наши души и будят нашу совесть.

Мы помним Вас, Николай Алексеевич...

Санкт-Петербург